
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.23

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г. Кому нужен мой ребенок. Рец. на кн.: Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 467—472. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.23>.

For citation:

Isupova O. G. (2019) Who Needs My Child. Book Review: Shadrina A. (2017) Precious Children: The Fall in Fertility and the Rise in the Price of Motherhood in the XXI Century. Moscow: New Literary Observer. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 467—472. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.23>.

О. Г. Исупова

КОМУ НУЖЕН МОЙ РЕБЕНОК. РЕЦ. НА КН.: ШАДРИНА А. ДОРОГИЕ ДЕТИ. СОКРАЩЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И РОСТ «ЦЕНЫ» МАТЕРИНСТВА В XXI ВЕКЕ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2017

КОМУ НУЖЕН МОЙ РЕБЕНОК. РЕЦ. НА КН.: ШАДРИНА А. ДОРОГИЕ ДЕТИ. СОКРАЩЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И РОСТ «ЦЕНЫ» МАТЕРИНСТВА В XXI ВЕКЕ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2017

WHO NEEDS MY CHILD. BOOK REVIEW: SHADRINA A. (2017) PRECIOUS CHILDREN: THE FALL IN FERTILITY AND THE RISE IN THE PRICE OF MOTHERHOOD IN THE XXI CENTURY. MOSCOW: NEW LITERARY OBSERVER

ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD, доцент, старший научный сотрудник, Институт демографии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: oisupova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

Olga G. ISUPOVA¹ — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Demography

E-MAIL: oisupova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

---

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Ключевые слова: материнство, чайлд-фри, сокращение рождаемости

Keywords: maternity, childfree, birth decline

Мне нелегко было писать рецензию на эту книгу. Так случилось, что она затрагивает вопросы, центральные как для моей жизни, так и для академической работы. Если быть точнее, то речь в книге Анны Шадринной [Шадринна, 2017] идет о том самом, о чем я всегда говорила (причем даже акценты, в целом, расставлены примерно так же). Например, в одной из моих наиболее цитируемых статей «Ваш ребенок нужен только вам: социальный смысл материнства в современной России» [Исупова, 2000; Isupova, 2002]. Ее название мне захотелось обыграть в заглавии настоящей рецензии, поскольку со временем стало очевидно, что и самим матерям их дети нужны не любой ценой и, мягко говоря, не до бесконечности. В связи с тем, что в последние десятилетия в нашем обществе распространены идеология интенсивного материнства [Исупова, 2018] и некоторое общественно-нормативное давление на всех женщин по этому поводу, в какой-то степени выгорание в итоге не миновало и меня. Хотя я не жалею о том, что родила своих детей — меж тем, такое часто непроговариваемое и социально неодобряемое чувство также встречается среди матерей [Donath, 2017], — я никогда не соглашусь с тем, что единолично отвечаю за все, что случится в их жизни и что они в ней совершат. Ну, или что раз «никто не заставлял меня рожать», то и никакая «вся деревня», по Маргарет [Мид, 1988], за моего ребенка не отвечает. Нет, по-прежнему для того, чтобы вырастить (каждого) одного ребенка нужна именно «вся деревня», которая в нынешнем неолиберальном обществе от этой ответственности совершенно и иногда довольно агрессивно — в лице отдельных представителей — отказывается.

При всем этом между мной и автором есть очень существенное различие, состоящее в силе репродуктивных желаний. Последние у меня были крайне интенсивными, и именно это отличие от среднего, от «нормы», в свое время заострило мой интерес к данной теме. У автора же «Дорогих детей» они средние, что, как совершенно справедливо подчеркивает ее анализ, в настоящее время — в эпоху господства неолиберальных представлений и соответствующего жизнеустройства — более вероятно в результате приводит к отсутствию у женщины детей. В предшествующую же эпоху («в нашей части света» — до 1990-х годов) такая амбивалентность скорее приводила к их рождению [Rotkirch et al., 2011]. Таким образом, на изучаемую тему мы с Анной Шадринной смотрим с позиций разного жизненного опыта — «матери» и «не-матери».

Интересно, что при всем вышесказанном наши оценки господствующих институциональных особенностей современного материнства в России и Беларуси практически полностью совпадают: «нормой» является основанное на популярном фрейдизме и «народном» психологизме убеждение, что во всех проблемах ребенка — даже уже выросшего — виновата мать. В результате, поскольку в материнстве видят основную «сущность», «предназначение» и роль женщины, ее часто обвиняют и в бедах всего общества в целом. Немного утрируя: если в обществе проблемы, значит — женщины вырастили плохих граждан.

С другой стороны, принято упрекать матерей в том, что если им плохо и у них не все идеально получается, они сами виноваты, ведь материнство — их личный неолиберальный «выбор». И если что-то не так, жаловаться они должны только на самих себя. Получается гипертрофия личной материнской ответственности за де-

тей, из-за опасения не соответствовать общественным ожиданиям приводящая во многих случаях к гипертревожности и гиперопеке. Исторически же, как правило, ответственность за детей всегда была скорее коллективной: за них отвечала не одна женщина, а род, семья или какая-то другая общность [Мид, 1988; Пушкарева, 1997; Ferraro, 2012]. Однако в наше время материнской деятельности придается беспрецедентно сложный и требующий разнообразных и весьма высоких квалификаций характер: мать выступает в ролях учительницы, медсестры, психолога, повара и т. д. Но собственно трудом материнская работа как бы не считается: пока все вышеупомянутое выполняет именно мать, полагается, что делает она это из любви к своему ребенку, а ее навыки и сноровка — «естественны» и сами собой разумеющиеся. Мать должна быть заботливой и самоотверженной одновременно.

Все это все чаще вызывает у рационально рассуждающих женщин сомнение в том, что перспектива материнства лично для них может стать привлекательной. Рациональных причин для родительства в наше время почти нет, остались только эмоциональные. Но насколько бы ни были иногда сильны эмоциональные мотивы в этой области, их недостаточно для оправдания всего того, что общество требует от матери в настоящее время. Помимо физического выживания и здоровья, мать сегодня также отвечает за интенсивное интеллектуальное развитие детей. Все это требует немалых ресурсов и вложений. В то время как мать отвечает за детей неотъемлемо, отец в любой момент может уйти из ситуации — и не то чтобы его никто не осудит, но если ребенка покинет мать, осуждение будет несравнимо сильнее.

Свою книгу Анна Шадрина, несмотря на обилие достаточно глубоко изученной социологической, исторической, психологической научной литературы, называет публицистикой, и это совершенно справедливо. Работа получилась по-публицистически яркой и адресованной широкому кругу читателей: это высказывание услышат многие. При этом некоторым научным стандартам она не вполне соответствует. К примеру, Шадрина достаточно вольно обращается с некоторыми фактами, видимо, полностью полагаясь на описываемого в тот или иной момент автора, а на следующей странице, представляя уже другую работу, может дать противоречивую информацию об одном и том же событии¹. В книге также несколько не хватает принятого в академическом письме «не вполне уверенного стиля», поскольку с полной убежденностью говорить о том, как жили люди в IV и XI вв., довольно сложно — слишком мало свидетельств.

Кроме того, в книге определено не хватает глубины описания первого этапа *интенсивного материнства* (к слову, очень удачный термин²), который для отдельных семей связан с эпохой Возрождения, а для огромного числа дворянских семей — с учением Жан-Жака Руссо [Rousseau, 1979]. Шэррон Хейс не была первой, кто изобрел интенсивное погружение матери в жизнь детей: как минимум,

¹ Когда, например, все-таки была «предельно усложнена процедура развода» в СССР: в 1944 г. или в 1930-е годы, как написано страницей раньше? Ведь и в 1944 г. развод не был полностью запрещен, а был именно предельно усложнен. Если же считать, что это был поэтапный процесс, об этом стоило сказать точнее: мы же знаем, например, что все 1930-е годы сожительство в СССР приравнялось к браку по своим последствиям и именно в 1944 г. этому был положен конец.

² Термин «материнство» имеет очень широкое контекстное поле и включает в себя все, что связано с этим понятием: это и сама концепция, и физический акт рождения, и репродуктивные решения, и воспитание детей, и многое другое. Термин же «материнствование» передает материнство именно как труд, как процесс выращивания детей.

раньше нее в XVIII веке к этому призывал Руссо. Многие матери, вдохновленные его идеями, начали посвящать себя детям, отказывались даже от услуг кормилиц и занимались образованием своих чад во вполне современном духе. Первую массовую негативную реакцию на чрезмерно властную позицию матери в результате развития процессов такого интенсивного материнства в XIX в., а также разочарование матерей и их детей в таком жизнеустройстве, как считается, выявила критика последователей Зигмунда Фрейда еще в начале XX в. Многие матери были разочарованы тем, что дети выросли не соответствующими вложенным в них усилиям, дети же считали власть таких матерей над ними в детстве неоправданно безграничной. Последнее в результате сформировало образ ненавидимой чрезмерно властной матери, виноватой во всех грехах и проблемах ребенка. В искусстве это отражено, например, в знаменитом фильме Альфреда Хичкока «Психо» (1960). Так, интенсивное материнство имеет довольно давнюю историю, одна из начальных стадий которой сегодня по спирали истории повторяется уже не в узком дворянском кругу, а становится доминирующей для масс населения.

Более того, стоит заметить, что параллельно интенсивному материнству существует еще и «естественное»: в книге они время от времени путаются, хотя по сути представляют собой весьма разные вещи³. Есть и «вертолетное» материнство — когда тщательное наблюдение за ребенком продолжается, но вовлеченность становится дистанцированной: современные средства связи делают при этом контакт с ним менее тесным и допускают участие третьих лиц. Есть, наконец, и «достаточно хорошее материнство» (*good enough mothering*) [Doane, Hodges, 1992], о котором в книге почти ничего не сказано, а ведь его феминистские интерпретации как раз позволяют женщинам с сильными репродуктивными желаниями иметь и растить детей, не соответствуя максималистским ожиданиям общества и даже не стремясь им соответствовать. Есть явные и скрытые практики материнского сопротивления. Вообще, есть многое, что все-таки лучше видно «с другого берега» — то есть человеку, чьи репродуктивные желания оказались неразумно сильны, и он(а) осуществляет материнство еще и на практике.

Как бы то ни было, как я уже писала выше, в главном наши оценки с Анной Шадринной совпадают, и было бы интересно писать такие работы и делать подобные исследования совместно авторам с разной степенью включенности в изучаемый процесс. Это позволило бы теме заиграть еще более разнообразными красками. К примеру, даже месячный опыт общения с двухлетним ребенком в качестве няни показал автору «Дорогих детей», что в этом процессе, кроме очевидных негативных, есть и привлекательные стороны. Демистификация «материнского блаженства» — вещь важная и нужная, ибо его существованием часто оправдывается то, что матери не нужна ничья помощь, что ее труд работой вовсе не является. Однако было бы чересчур смелым утверждать, что материнского блаженства не существует — оно есть, и это показывает жизненный опыт (например, мой и ты-

³ В отличие от интенсивного материнства, как правило, связанного с развитием способностей ребенка и его «человеческого капитала», естественное предполагает прежде всего натуральность процессов взаимодействия матери и ребенка. В наше время часто одна и та же женщина стремится сочетать первое и второе. Однако тут есть противоречия, связанные с тем, что без навязывания ребенку некоторых правил поведения и представлений чаще всего не удастся развить его/ее человеческий капитал. Навязывание же, меж тем, для естественного материнства все-таки неприемлемо.

сяч-тысяч других матерей). Впрочем, это гораздо лучше проявляется тогда, когда материнский труд облегчается многочисленными помощниками; несчастливы же чаще те матери, которые не чувствуют социальной поддержки. Здесь важна как физическая помощь членов семьи или наемных работников, так и степень «чадолюбия» в обществе в целом. Это самое «чадолюбие» общества и доброе отношение к матерям как раз отлично проанализировано автором на примере фильмов и воспоминаний советских времен.

Вывод в конце книги — предположение, что воспроизводство рода человеческого в будущем станет, скорее всего, технологическим — также представляется мне несколько чрезмерно смелым. Учитывая имеющиеся у огромного числа людей более сильные репродуктивные желания, многие [возможно] по-прежнему будут хотеть пройти через все биологические стадии материнства самостоятельно. В то же время ответственность за воспитание и в целом выращивание детей до 18 и более лет — причем рассматриваемая не как труд, а как «естественная любовь», — не имеет ведь никакого отношения к тому, *каким именно образом* человек появился на свет. И здесь понадобятся иные процессы, снимающие с матерей гиперответственность. Последние, к слову, уже идут [Ennis, 2014]. Степень же, до которой упомянутое можно сделать, не гипертрофируя, но и не преуменьшая интересов ребенка, необходимо будет междисциплинарно изучать: и здесь, на мой взгляд, особенно ценной окажется помощь настоящих, а не «народных»⁴, психологов.

В целом же книга Анны Шадринной — это, повторюсь, замечательное, яркое публицистическое и научно-популярное произведение на важнейшую общественную тему. Очень важно, что оно переводит дискурс о сложностях современного материнства из пространств интернет-блогов и обсуждений, а также из чисто академического поля, в пространство одновременно более публичное и менее камерное, специализированное. Работы Шадринной⁵ привлекают и внимание социологов. Последние достаточно часто ее цитируют, во многом благодаря популярному характеру ее письма, ясности и простоте изложения при, в целом, достаточном соответствии социологическим концепциям в рассматриваемой области. Таким образом, книги Анны Шадринной близки к области популяризации науки и в то же время находятся в поле социологии. Такое их положение можно считать уникальной и вполне стратегически выигрышной особенностью.

Список литературы (References)

Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.

Isupova O. G. (2002) The Social Meaning of Motherhood in Russia Today (“Only You Need Your Child”). *Russian Social Science Review*. Vol. 43. No. 5. P. 24—43.

⁴ «Народными» психологами, в отличие от профессиональных, я здесь называю людей, получивших лишь поверхностное и недостаточное психологическое образование или не получивших никакого, и, однако, присваивающих себе право учить людей «правильно» обустроить свою жизнь (по аналогии с «народными академиками», например, астрологии, на которых некоторые из них очень похожи).

⁵ Напомним также, что пятью годами ранее Анна Шадринна выступила с книгой «Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака» [Шадринна, 2014], посвященной женщинам, выбравшим жизнь «solo».

Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 119. С. 180—189.
Isupova O. G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Years' Growing Up. *Emergency Ration*. No. 119. P. 180—189. (In Russ.)

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / сост. И. С. Кон ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988.

Mead M. (1988) Culture and the World of Childhood. Selected Contributions / ed. by I. S. Kon; translated by Yu. A. Aseev. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997.

Pushkareva N. L. (1997) Private Life of a Woman in Pre-Industrial Russia. X — Early XIX Century. Bride, Wife, Lover. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2017.

Shadrina A. (2017) Precious Children: The Fall in Fertility and the Rise in the Price of Motherhood in the XXI Century. Moscow: New Literary Observer.

Шадрина А. Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Shadrina A. (2014) Not Married: Sex, Love and Family beyond Marriage. Moscow: New Literary Observer.

Doane J. L., Hodges D. L. (1992) From Klein to Kristeva: Psychoanalytic Feminism and the Search for the “Good Enough” Mother. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Donath O. (2017) Regretting Motherhood: A Study. Berkeley, CA: North Atlantic Books.

Ennis L. R. (ed.) (2014) Intensive Mothering: The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. Toronto: Demeter Press.

Ferraro J. M. (2012) Childhood in Medieval and Early Modern Times. In: Fass P. S. (ed.) *The Routledge History of Childhood in the Western World*. New York: Routledge. P. 61—77. <https://doi.org/10.4324/9780203075715.ch3>.

Rotkirch A., Basten S., Väisänen H., Jokela M. (2011) Baby Longing and Men's Reproductive Motivation. *Vienna Yearbook of Demographic Research*. Vol. 9. P. 283—306. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2011s283>.

Rousseau J. J. (1979) *Émile, or On Education*. New York: Basic Books.